

ПОГРЕБЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦЫ МЕСТНОЙ ЭЛИТЫ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

© 2023 г. Н. Н. Серегин^{1,*}, А. А. Тишкин^{1,**}, С. С. Матренин^{1,***}, Т. С. Паршикова^{1,****}

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

*E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

**E-mail: tishkin210@mail.ru

***E-mail: matrenins@mail.ru

****E-mail: taty-parshikova@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.12.2022 г.

После доработки 27.02.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

В статье представлены результаты изучения материалов, полученных при раскопках женского погребения, выявленного в составе некрополя булан-кобинской археологической культуры Чобурак-I. Данный памятник, расположенный в Чемальском районе Республики Алтай, полностью исследован экспедицией Алтайского государственного университета. Анализ морфологических характеристик обнаруженных предметов сопроводительного инвентаря с привлечением аналогий из памятников на сопредельных территориях, а также полученные результаты радиоуглеродного датирования стали основанием для определения времени сооружения кургана 34 в рамках IV в. Изучение зафиксированных признаков обрядовой практики позволило установить, что захоронение совершено носителями дялянкой погребальной традиции, составлявшими доминирующую группу населения Северного Алтая в предтюркское время. Многочисленный инвентарь, включавший социально значимые украшения костюма погребенной, а также предметы снаряжения лошади, свидетельствуют о высоком прижизненном статусе умершей женщины, вероятно, представительницы местной элиты кочевников.

Ключевые слова: Алтай, эпоха Великого переселения народов, женское погребение, социальная история, региональная элита, хронология.

DOI: 10.31857/S0869606323040153, **EDN:** FPHUXD

Важным аспектом изучения археологических материалов из некрополей Алтая последней четверти I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. является реконструкция разных аспектов социальной истории населения этого периода. В последние десятилетия изучались особенности стратификации кочевников булан-кобинской археологической культуры, зафиксированные при исследовании погребальных комплексов (Серегин, Матренин, 2020б. С. 21–132). При этом весьма слабо исследованной остается социально-имущественная дифференциация женской части населения. Данная ситуация, с одной стороны, обусловлена сложностью объективного определения места женщин в системе вертикальной и горизонтальной стратификации общества вследствие одновременного влияния разных факторов (возраст, этническое происхождение, семейное положение и др.), которые не всегда поддаются надежной диагностике в отношении “эгалитарной” по своему облику погребальной практике носителей булан-кобинской культуры, по сравнению, например, с предшествующим ски-

фо-сакским периодом (вторая половина VI–III в. до н.э.) (см., в частности: Тишкин, Дашковский, 2003. С. 185–189). С другой стороны, для значительной части захоронений, раскопанных на территории Алтая, до сих пор отсутствуют качественные антропологические и палеогенетические определения, что существенно ограничивает возможности их интерпретации. Особенно это характерно для предтюркского периода по причине недостаточности археологических материалов.

В настоящей статье представлены результаты изучения одного из женских погребений в составе некрополя Чобурак-I на территории Северного Алтая. Анализ материалов данного захоронения, исключительного по составу сопроводительного инвентаря, оказался важен для понимания особенностей этносоциальной истории населения региона в эпоху Великого переселения народов, в том числе такого важного ее аспекта, как формирование региональных элит у носителей булан-кобинской культуры.

Рис. 1. Расположение погребально-поминального комплекса Чобурак-I.

Fig. 1. The location of the burial and commemorative complex of Choburak-I

Характеристика источников. Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского р-на Республики Алтай (рис. 1). В разное время на территории памятника проводили исследования специалисты Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (конец 1980 – начало 1990-х годов) и Алтайского государственного университета (2007, 2015–2022 гг.) (см., например: Бородавский, 1994; Семибратов, Матренин, 2008. С. 55–63. Рис. 3–8; Серегин и др., 2019). Наряду с объектами разных хронологических периодов в составе комплекса Чобурак-I экспедицией под руководством одного из авторов статьи полностью раскопан компактный некрополь булан-кобинской культуры, состоявший из 12 непогребенных курганов. В трех из них оказались захоронены женщины, которые принадлежали к разным возрастным группам. Судя по обнаруженному сопроводительному инвентарю, они имели определенные отличия в социальном статусе. Наиболее высокое положение среди них занимала женщина, похороненная в кургане 34 (рис. 2–7).

Обозначенный объект – самый крайний с севера в ряду выявленных курганов булан-кобинской культуры. Он был устроен в непосредственной близости от других женских захоронений некрополя (курганы 32а и 33). Наземная конструкция представляла собой овальную в плане наброску размерами 3.5×4.16 м и высотой до 0.3 м, сложенную из средних и мелких камней. По ее контуру фиксировалась крепида из более крупных булыжников, ориентированная продольной осью по ли-

нии СЗ–ЮВ (рис. 2, А). Могильная яма размерами 4.09×1.16 м хорошо выделялась на фоне погребенной почвы заполнением с большим содержанием мелкой гальки. В ходе раскопок установлено, что размеры могилы существенно изменялись по мере увеличения глубины. В итоге по дну ее длина составила 3 м, а ширина – 0.68–0.98 м.

В северо-западной половине ямы на глубине 0.9 м от уровня древнего горизонта прослежен тлен деревянной погребальной камеры, в которой находился непогребенный скелет женщины 30–35 лет (определения выполнены С.С. Тур), уложенной вытянуто на спину и ориентированной головой на северо-запад (рис. 2, Б). Многочисленный сопроводительный инвентарь включал в себя разные категории изделий (рис. 3–5; 7). За головой покойной находились нашивные украшения из цветного металла, декорированные “пуансонным” орнаментом, т.е. выполненным специальным чеканом-пуансоном (рис. 3, 1). Одна из них – слабоизогнутая пластина вытянуто-овальной формы большого размера (рис. 4, 1), семь пластин вытянуто-прямоугольной и вытянуто-трапециевидной формы меньших пропорций (рис. 4, 2–8), размещавшиеся почти параллельно друг другу. Судя по выявленному *in situ* местонахождению, данные металлические предметы крепились к головному убору в виде накладки (?), которая была помещена в могилу в снятом виде. Расположение этих нашивных элементов, напоминающих лучи, придавало оголовью облик “короны” (рис. 3, 2). Под черепом женщины найден наконечник из бронзовой пластины (рис. 5, 12; 7, 3), а в области лба – металлическая нашивная бляха округлой формы со сквозным отверстием в центре (рис. 3, 3; 5, 13; 7, 4). Между нижней челюстью и правым плечом обнаружено каменное пряслице с лучевым узором (рис. 3, 3; 5, 10; 7, 7). В области грудной клетки зафиксированы четыре бляхи-нашивки колокольчиковидной формы из цветного металла (рис. 4, 9–13). У тазовых костей находились фрагменты железных изделий от поясной гарнитуры, среди которых две пряжки (рис. 5, 4, 6). Кроме этого обнаружены обломок не определенного изделия (рис. 5, 5), железный короткоклиновый нож (рис. 5, 8), а также две небольшие по размеру бляхи-нашивки овальной формы (рис. 4, 13, 14). Под тазовыми костями с правой и левой сторон располагались серьги из цветного металла (рис. 5, 14, 15; 7, 1, 2), подвеска из зуба марала (рис. 5, 7), костяная рукоять гигиенической щетки (рис. 5, 11; 7, 6) и обломок железного предмета (рис. 5, 9).

В юго-восточной половине могильной ямы, в ногах умершей женщины, на глубине 0.7–0.77 м от уровня древнего горизонта размещалось сопроводительное захоронение верхового коня, уложенного на правый бок с подогнутыми конечностями и ориентированного головой на северо-

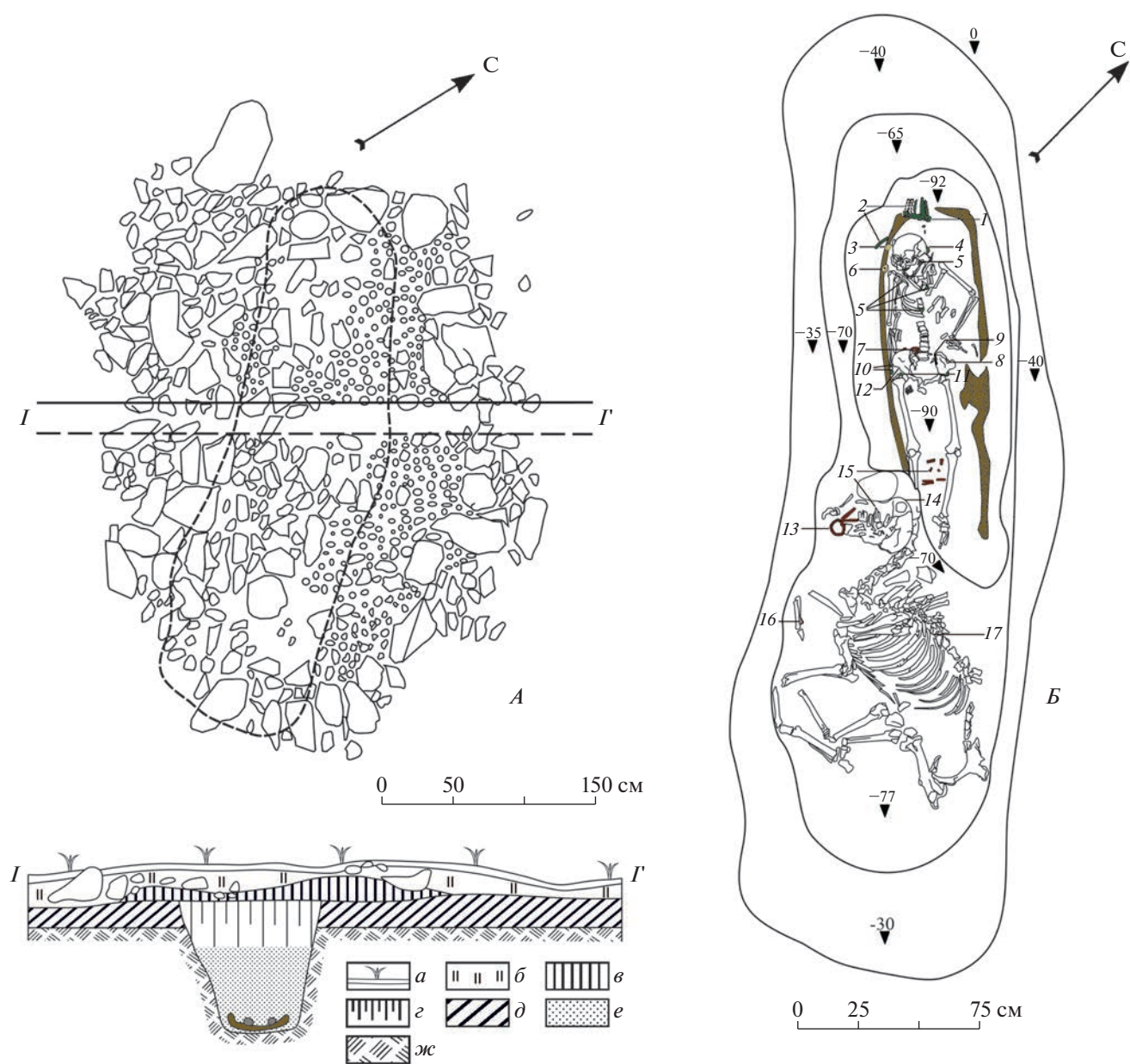

Рис. 2. Чобурак-I, курган 34. А — план и разрез погребального сооружения; Б — план захоронения человека с лошастью. Обозначения предметов в погребении: 1 — большая нашивная пластина; 2 — малые нашивные пластины; 3 — круглая бляха-нашивка; 4 — наконечник; 5 — колокольчикообразные бляхи-нашивки; 6 — пряслице; 7 — поясная гарнитура (пряжки, обломки изделий); 8 — подвеска из зуба марала; 9 — нож; 10 — овальные бляхи-нашивки; 11 — серьги; 12 — косметическая щетка; 13 — удила с псалиями; 14 — уздечные пряжки; 15 — уздечные бляхи (пронизы, накладки); 16 — подпружные пряжки; 17 — звено цепочки с креплением-пробоем. Условные обозначения: а — дерн; б — гумус; в — коричневая супесь с галькой; г — темно-коричневая гумусированная супесь; д — коричневая суглинистая супесь; е — серая мешаная супесь; ж — материк (серая супесь с галечником).

Fig. 2. Choburak-I, mound 34

запад. В челюстях лошади были зажаты железные удила с кольчатыми псалиями, снабженные 8-видными петлями, к которым крепились пластины-полуобоймы (рис. 6, 1; 7, 8). У затылка и под черепом животного обнаружены железные пряжки с подвижным язычком и пластинчатый щит-

ком (рис. 6, 2–4). На черепе коня размещались 23 железные бляхи-пронизы в виде узких обоев (рис. 6, 8–18; 7, 12–22). В состав уздечной гарнитуры также входили три железные бляхи-накладки вытянуто-прямоугольной формы (рис. 6, 5–7). Они были смещены с места своего первоначаль-

Рис. 3. Расположение отдельных категорий украшений в женском погребении кургана 34 некрополя Чобурак-I. 1 – крупный план верхней части захоронения; 2 – нашивные пластины; 3 – круглая бляха-нашивка и пряслице.

Fig. 3. The location of certain categories of adornments in the female burial of mound 34 at the Choburak-I necropolis

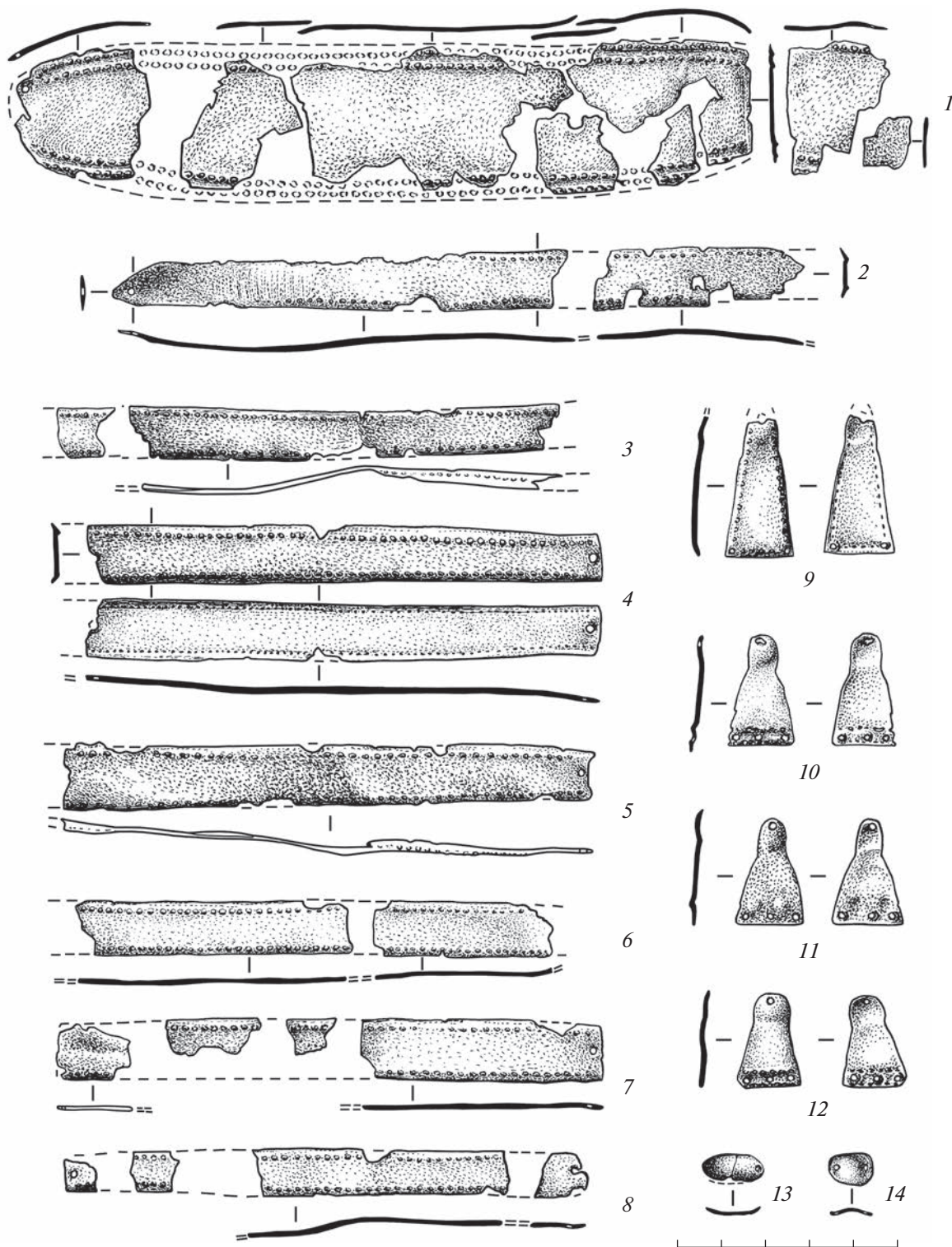

Рис. 4. Украшения из цветного металла. 1–8 – нашивные пластины; 9–14 – бляхи-нашивки.

Fig. 4. Adornments made of non-ferrous metal

ного крепления к ремням суголовья в результате разрушения деревянной погребальной камеры и просада заполнения могильной ямы, включавше-

го массивные камни. У переднего копыта лошади обнаружены роговая (рис. 6, 1; 7, 23) и железная (рис. 6, 2) пряжки, использовавшиеся в качестве

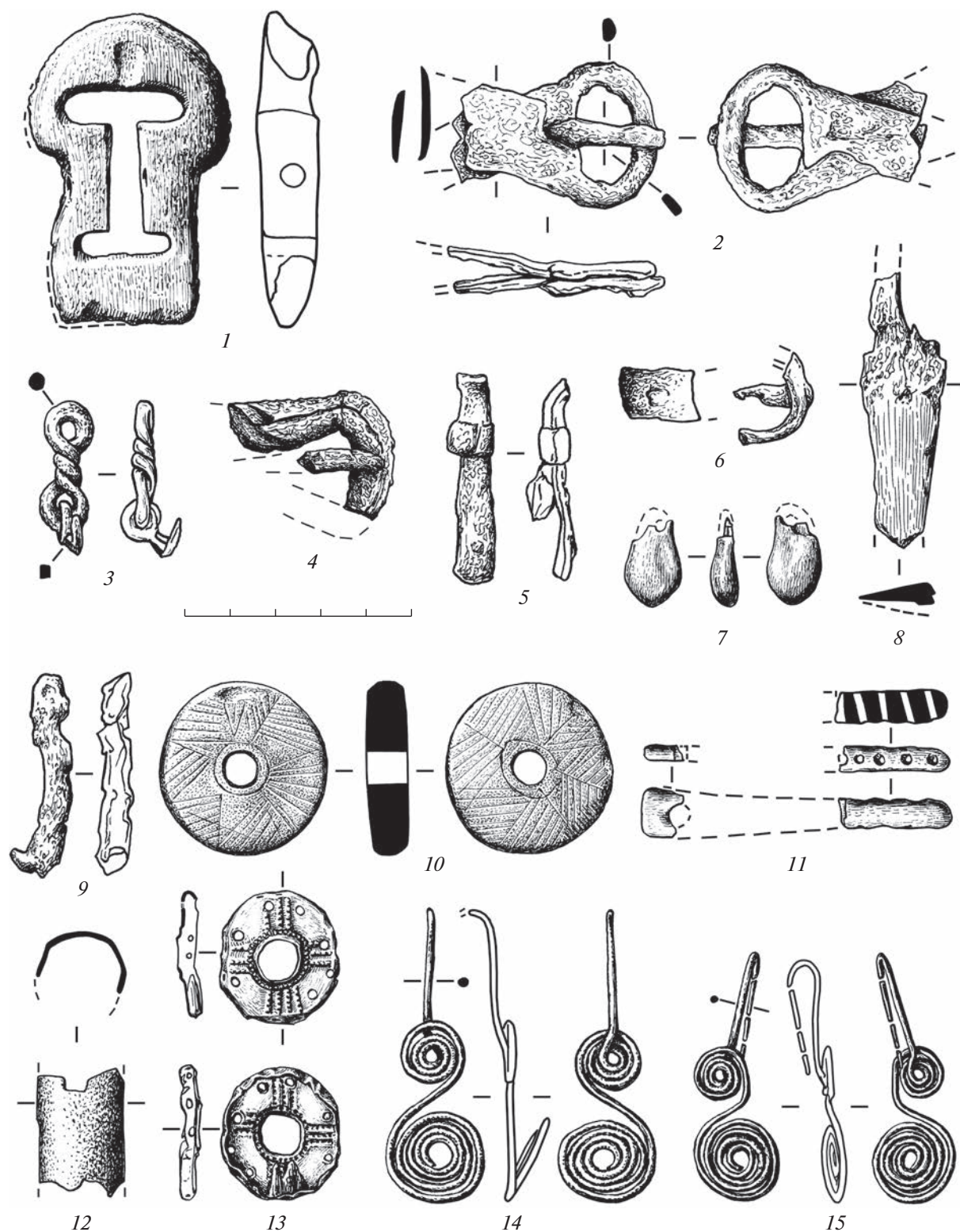

Рис. 5. Предметы снаряжения верхового коня и человека, украшения. 1, 2 – подпружные пряжки; 3 – крепление; 4, 6 – поясные пряжки; 5 – деталь пояса; 7 – подвеска; 8 – нож; 9 – фрагмент изделия; 10 – пряслице; 11 – рукоять щеточки; 12 – наконечник; 13 – бляха-нашивка; 14, 15 – серьги. 1, 7, 11 – кость, рог; 2–6, 8, 9 – железо; 10 – камень; 12–15 – цветной металл.

Fig. 5. Items of riding gear for the horse and the rider, adornments

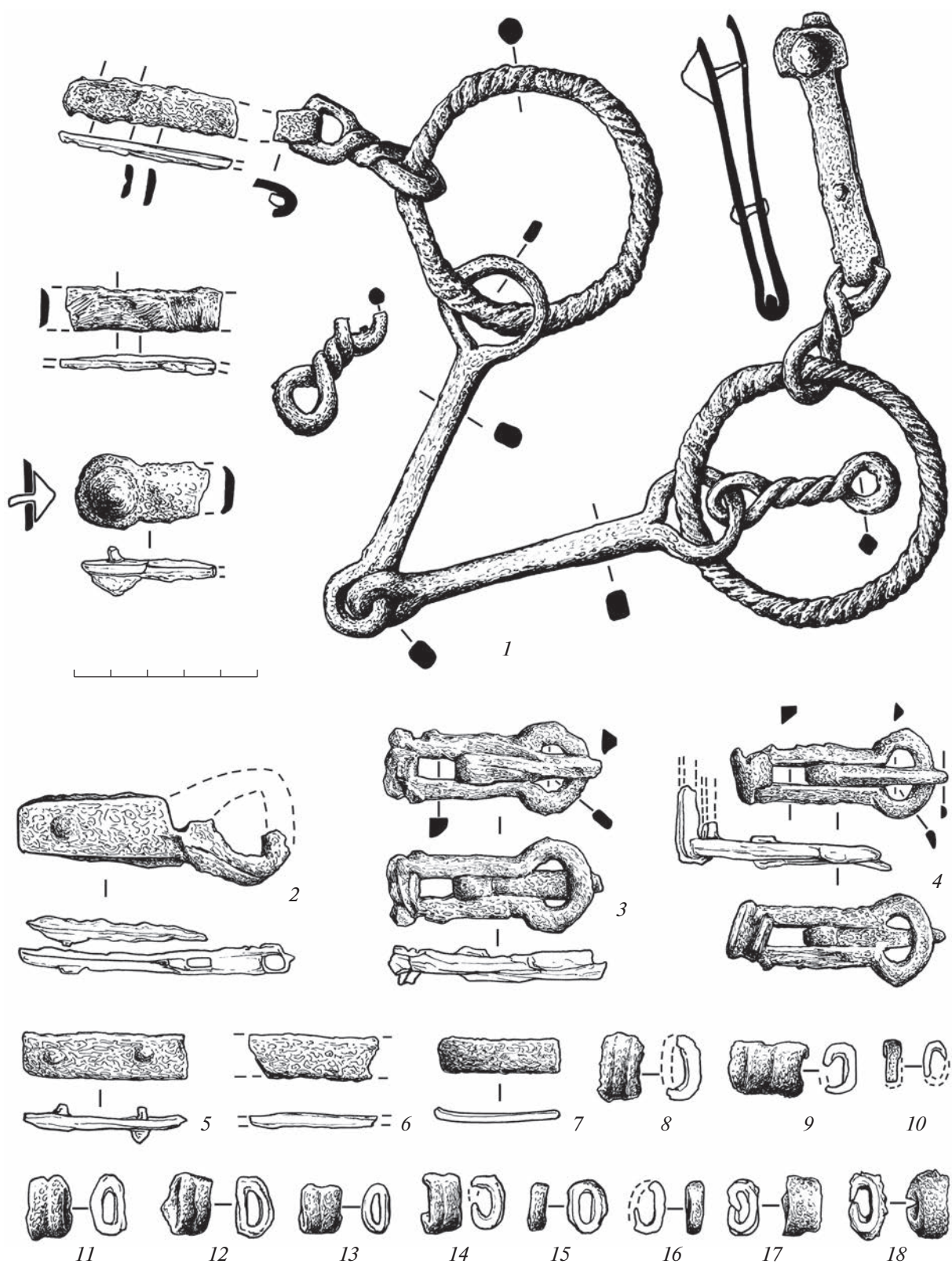

Рис. 6. Железные удила с псалиями (1), уздечные пряжки (2–4) и бляхи (5–18).

Fig. 6. Iron bits with cheekpieces (1), bridle buckles (2–4) and plaques (5–18)

Рис. 7. Показательные категории сопроводительного инвентаря из женского погребения кургана 34 некрополя Чобурак-I. 1, 2 – серьги; 3 – наконечник; 4 – бляха-нашивка; 5 – подвеска; 6 – рукоять щеточки; 7 – пряслице; 8 – удила с псалиями; 9, 10 – уздечные пряжки; 11–22 – уздечные пряжки; 23 – подпружная пряжка. 1–4 – цветной металл; 5, 6, 23 – кость, рог; 7 – камень; 8–22 – железо.

Fig. 7. Indicative categories of the accompanying goods from the female burial of mound 34 at the Choburak-I necropolis

подпружных застежек. Среди ребер животного зафиксировано железное звено цепочки с креплением-пробоем (рис. 5, 3).

Анализ материалов. Основные характеристики погребального обряда, зафиксированные в результате раскопок кургана 34 на памятнике Чобурак-I (компактное расположение в ряду тесно локализованных объектов; небольшая каменная насыпь овальной в плане формы с крепидой; неглубокая и узкая яма с деревянной внутримогильной конструкцией; ингумация умершего человека вытянуто на спине; ориентировка покойного головой в западный сектор горизонта с отклонением к северу; сопроводительное захоронение лошади в “ногах” человека), свидетельствуют о принадлежности объекта к дялянской традиции обрядовой практики кочевников булан-кобинской культуры Алтая (Матренин, 2005. С. 96, 97). Носители данной традиции были одной из групп полиэтнического населения, существовавшей, главным образом, в центральной и северной частях региона на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. (Серегин, Матренин, 2016. С. 161, 162).

Обнаруженный сопроводительный инвентарь включает в себя разнообразные категории предметов, анализ которых позволяет определить датировку погребения и сделать ряд наблюдений относительно социальной значимости отдельных находок. В серии украшений хронологически значимы крючковые серьги с верхушкой в виде двойной концентрической спирали (рис. 5, 14, 15; 7, 1, 2), получившие распространение на Алтае с середины III в. н.э. под влиянием ювелирных традиций сяньби (Яремчук, 2005. Рис. 114, 1–3, 5, 9, 10; Худяков, Юй Су-Хуа, 2006. Рис. 1, 15, 16, 20; 2, 16, 17; Трифанова, Соенов, 2019. С. 29). Большая пластина, украшенная “пуансонным” орнаментом (рис. 4, 1), судя по известным материалам булан-кобинской культуры второй половины III – первой половины V в. н.э., могла использоваться для декорирования повязки-диадемы (венец, полувенец) (Трифанова, Соенов, 2019. С. 30, 34) или в качестве обкладки накидки (Худяков, 2014. С. 111, 112). Принимая во внимание имеющиеся результаты анализа погребальных комплексов, можно заключить, что данное украшение относилось к социально значимым изделиям у кочевников (Серегин, Матренин, 2020б. С. 92).

Семь узких пластин с “пуансонным” узором по длинным сторонам и парой отверстий для пришивания (рис. 4, 2–8) имеют сходство с “престижными” элементами головных уборов населения булан-кобинской культуры второй четверти I тыс. н.э. из памятников Улуг-Чолтух-I и Верх-Уймон (Соенов, 2000. Рис. 2, 1–3; Худяков, 2014. Рис. 5, 8–10; Трифанова, Соенов, 2019. С. 63–65). С учетом известных материалов можно также предполагать статусный характер округлой ме-

таллической бляхи-нашивки (рис. 5, 13; 8, 4), фиксирующейся, по-видимому, на налобной повязке (Серегин, Матренин, 2020б. С. 48–51, 92).

К элементам головного убора, широко распространенным во II–V вв. у разных социальных групп “булан-кобинцев”, относятся наконечник (рис. 5, 12) и подвеска из зуба марала (рис. 4, 7) (Кубарев и др., 1990. Рис. 31, 7, 8, 11; 37, 3, 6; Худяков, 2014. Рис. 4, 5, 6; 6, 21, 30; 7, 2; Трифанова, Соенов, 2019. С. 49–53; Самашев, Кариев, 2020. Рис. 16). Кроме этого, из погребения кургана 34 происходят весьма редкие небольшие бляхи-нашивки с овальным абрисом без выраженных полей и бортика (рис. 4, 13, 14), использовавшиеся для украшения сумочки (Трифанова, Соенов, 2019. С. 44. Рис. 2, 3, 4), а также не имеющие аналогий в булан-кобинской культуре бронзовые бляхи-нашивки колокольчиковидной формы, крепившиеся к верхней одежде (рис. 4, 9, 12).

В разнообразном комплексе снаряжения верхового коня из рассматриваемого захоронения особого внимания заслуживают железные удила, снабженные кольчатыми ложновитыми псалиями большого диаметра и 8-видными петлями и пластинами-полуобоймами (рис. 6, 1; 7, 8). Судя по имеющимся материалам, подобные изделия получили распространение в памятниках кочевников Центральной Азии в IV–VII вв. (Серегин, Васютин, 2021. С. 149, 150. Рис. 172). При этом крупные кольчатые ложновитые псалии не имеют аналогий в других памятниках булан-кобинской культуры Алтая и ранее традиционно рассматривались как изделия, характерные для средневековья, причем для конца I тыс. (Серегин, Васютин, 2021. С. 148).

Весьма необычны железные уздечные бляхи-пронизи в виде обойм (рис. 6, 8–18; 7, 12–22), которые могут иметь общее происхождение с металлическими бляхами-зажимами в виде узких скобообразно изогнутых пластин, использовавшихся населением Алтая во второй половине III–V вв. Данные изделия обнаруживают связь с ремennыми гарнитурами IV–VI вв. из памятников Восточного Забайкалья (Матренин, 2017. С. 66, 76. Рис. 17, 7–13).

К элементам амуниции кочевников IV–V вв. относится 8-видное звено с креплением-пробоем (рис. 5, 3). (Матренин, 2017. С. 97). Характерны для второй четверти I тыс. железные уздечные пряжки с подвижным язычком, рамкой трапецевидной (рис. 6, 2) и Т-образной форм и пластинчатым щитком-полуобоймой (рис. 6, 3, 4; 7, 9, 10), а также кожаная подпружная пряжка с язычком на вертлюге (рис. 5, 1; 7, 23) (Матренин, 2017. С. 48, 49). Важно подчеркнуть, что редкость предметов конского снаряжения в женских погребениях кочевников булан-кобинской культуры Ал-

Результаты радиоуглеродного анализа образцов из погребения кургана 34 некрополя Чобурак-I
Results of radiocarbon analysis of samples from the burial of mound 34 at the Choburak-I necropolis

Шифр	Образец	AMS ¹⁴ C, BP	Калиброванная дата (2 σ)
UBA-45472	Кость лошади	1751 ± 22	234–377 AD
UBA-45473	Кость человека	1735 ± 24	244–381 AD

тая — одно из свидетельств их социальной значимости (Серегин, Матренин, 2020б. С. 58, 91).

Обнаруженные в рассматриваемом погребении немногочисленные детали поясной гарнитуры, орудия труда и бытовая утварь датируются в довольно широких рамках. При этом к хронологически наиболее “поздним” вещам относится костяная рукоять косметической щетки (рис. 5, 11), аналогии которой известны в кокзельской (вторая половина III–IV в.) и таштыкской (III–V вв.) археологических культурах (Грач, 1960. Рис. 37; Вадецкая, 1999. С. 272; Готлиб, 2007. Рис. 23, 1). На Алтае такие предметы обнаружены в комплексах второй половины III–V вв. и происходят из захоронений, выделяющихся представительным составом инвентаря (Глоба, 1983. Табл. V, 1, 2; Мамадаков, 1990. Рис. 23, 1; 28, 3; 37, 4; Соенов, Эбель, 1992. Рис. 42, 13).

В целом результаты изучения предметного комплекса позволяют определить датировку кургана 34 могильника Чобурак-I в рамках IV в. Такую хронологию подтверждают данные радиоуглеродного анализа, осуществленного в Лаборатории Центра ¹⁴ХРОНО по исследованию климата, окружающей среды и хронологии (г. Белфаст, Северная Ирландия; аналитик — С.В. Святко) (таблица). Отметим, что набор вещей из погребения характеризуется максимально насыщенным составом украшений, а также присутствием разнообразных элементов амуниции верхового коня, снаряжения человека, орудий труда и бытовой утвари. Изделия информативны для интерпретации прижизненного статуса женщины с учетом имеющегося положительного опыта анализа археологических материалов Алтая последней четверти I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э.

Итак, обнаруженный в погребении кургана 34 некрополя Чобурак-I вещевой комплекс по своему качественному и количественному составу выходит за пределы “социального стандарта” (предметы, встречающихся в не менее, чем 50% объектов) сопроводительного инвентаря женских погребений булан-кобинской культуры, который предусматривал наличие основного (преимущественно простого) пояса и маленьких металлических украшений, обычно в виде бронзовых блях-нашивок (подвесок) на головной убор и (или) верхнюю одежду (Серегин, Матренин, 2020б. С. 72). Показательно, что покойная имела весьма оригинальный по оформлению головной убор,

состоявший, по-видимому, из повязки-диадемы, декорированной крупной бляхой-нашивкой, а также тканевой накидки, богато украшенной нашивными пластинами из цветного металла. Обозначенные изделия, судя по имеющимся данным, относились к социально престижным предметам у населения булан-кобинской культуры (Трифанова, Соенов, 2019. С. 63–65; Серегин, Матренин, 2020б. С. 92. Табл. 4). В погребении можно отметить несколько показательных наборов украшений умершей (1 — нашивные пластины и крупная бляха от головного убора; 2 — маленькие бляхи-нашивки на верхнюю одежду и сумочку, серьги, наконечники; 3 — подвеска из зуба марала) и снаряжения верхового коня (1 — уздечные бляхи; 2 — удила с псалиями, уздечные и подпружные пряжки, крепления), а также других предметов, в том числе достаточно редких (косметическая щеточка, пряслице с орнаментом). Их наличие свидетельствует о достаточно высоком социальном статусе погребенной женщины не только в рамках локального коллектива, оставившего данный могильник, но и в целом при сравнении с другими группами полиэтнического населения Алтая эпохи Великого переселения народов.

При этом по размерам насыпи и могильной ямы, а также особенностям конструкции захоронения не отличалось от большинства курганов булан-кобинской культуры памятника Чобурак-I, содержащих погребения взрослых людей. Данный факт подтверждает сделанное ранее предположение о том, что у большинства групп населения региона во II в. до н.э. — V в. н.э. обозначенные параметры погребальной обрядности были второстепенными по значимости для социальной дифференциации покойных (Серегин, Матренин, 2020б. С. 25, 28–34). Отметим, что курган 34 был сооружен в ряду компактно локализованных насыпей вместе с другими женскими захоронениями, что в некоторой степени демонстрирует встречающуюся у “булан-кобинцев” практику раздельного погребения взрослых людей разного пола, выявленную на многих некрополях Алтая первой половины I тыс. (Серегин, Матренин, 2016. С. 21, 22).

Обратим внимание на специфику комплекса украшений рассматриваемого захоронения, которая выражалась в отсутствии небольших металлических полусферических блях-нашивок на головной убор и верхнюю одежду, считающихся

«этнографической» чертой женского костюма многих групп населения булан-кобинской культуры Алтая (Борисенко, Худяков, 2004. Рис. 3, 4–7; Худяков, 2014. С. 112. Рис. 4, 8–13; 6, 17–20, 22–29; 7, 3, 4; Трифанова, Соенов, 2019. С. 44–45). Данные предметы не зафиксированы и в других женских погребениях, раскопанных на некрополе Чобурак-I. Другая необычная деталь рассматриваемого комплекса — размещение серег и подвески из зуба марала в области пояса покойной, по-видимому, в сумочке. Идентичное расположение подобных украшений зафиксировано в исследованном на могильнике Чобурак-I женском погребении кургана 33.

С учетом отмеченных характеристик захоронения в кургане 34 представляется возможным заключить, что погребенная женщина при жизни относилась к группе населения с высоким социальным статусом. Наиболее близкие по статусу объекты предтюркского времени — захоронения некрополей Верх-Уймон (курганы 27, 30), Дялян (курганы 9, 14), Катанда-I (курган 5), Кок-Паш (курганы 34, 35) (Гаврилова, 1965. С. 54; Тетерин, 1991. С. 155–157; Соенов, 2000. С. 48–50. Рис. 1, 2; 8–10; Бобров и др., 2003. С. 176, 177. Табл. V, а–б; XIII; Серегин, Матренин, 2020б. С. 100).

Таким образом, анализ материалов, полученных в ходе раскопок женского погребения кургана 34 некрополя Чобурак-I, позволяет установить дату данного объекта в рамках IV в., что подтверждается результатами радиоуглеродного датирования. Рассматриваемое захоронение характеризуется наиболее показательными чертами дялянской традиции обрядовой практики, носители которой были доминирующей группой кочевников Северного Алтая в IV–первой половине V в. (Серегин, Матренин, 2020б. С. 123–130). Не исключено, что их статус местной элиты в предтюркское время стал результатом налаженных отношений с жужанским каганатом. На основе имеющихся материалов можно предположить, что в рамках булан-кобинской племенной конфедерации отдельные группы населения, в том числе дялянцы, имели тесные контакты с жужанями. Косвенное подтверждение этому — присутствие в погребениях кочевников Алтая второй половины IV — первой половины V в. передовых образцов оружия и средств защиты, снаряжения человека и верхового коня, связанных своим происхождением с Центральноазиатским регионом (отдельные типы наконечников стрел, железные доспехи, седла с твердым остовом, цурки, некоторые типы украшений и др.). К сожалению, возможности дальнейшей работы по сопоставлению особенностей этносоциальной организации жужаней и кочевников, входивших в сферу их влияния, пока ограничены фрагментарностью археологических материалов, происходящих с территории Монголии (Серегин, Матренин, 2020а).

Публикуемые материалы одного из объектов некрополя Чобурак-I имеют большое значение для дальнейшего изучения различных аспектов социальной истории кочевников Алтая на рубеже поздней древности и раннего средневековья, актуализируя, в том числе, проблему статуса женщин в обществах номадов. Весьма перспективны в этом плане палеогенетические исследования, которые позволят конкретизировать родственные связи между индивидами в рамках отдельных некрополей и в целом будут способствовать выходу на новый уровень социальных реконструкций по материалам археологических комплексов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00179.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 65–72.
- Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуні // Археология Горного Алтая / Ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1994. С. 75–82.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский НИИЯЛИ, 1983. С. 116–126.
- Готлиб А.И. Ярусные захоронения таштыкского могильника Черноозерное-II в Хакасии // Таштыкские памятники Хакаско-Минусинского края. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2007. С. 8–38.
- Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I. Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 73–150.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.
- Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

- Матренин С.С. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.) // Западная и Южная Сибирь в древности / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. С. 93–98.
- Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
- Самашев З.С., Кариев Е.С. О некоторых новых хунно-сяньбэйских погребениях Береля // Мир Большого Алтая. 2020. № 6 (2). С. 915–930.
- Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Вып. 4. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2008. С. 54–66.
- Серегин Н.Н., Васютин С.А. Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А.С. Васютина) / Ред. В.В. Бобров, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2021. 296 с.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2016. 272 с.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С. Монголия в жужанское время: основные аспекты интерпретации археологических материалов // Поволжская археология. 2020а. № 4 (34). С. 36–49.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2020б. 268 с.
- Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4 (28). С. 51–68.
- Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. № 5. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2000. С. 48–62.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. пед. ин-т, 1992. 116 с.
- Тетерин Ю.В. Могильник Дялян – новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1991. С. 155–157.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. 430 с.
- Трифанова С.В., Соенов В.И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2019. 160 с.
- Худяков Ю.С. Женские украшения населения хунно-сяньбэйской эпохи в долине реки Эдиган в Горном Алтае (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 107–114.
- Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Украшения сяньби // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3. С. 50–64.
- Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбэйской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

BURIAL OF A REPRESENTATIVE OF THE LOCAL ELITE IN ALTAI OF THE MIGRATION PERIOD

Nikolay N. Seregin^{a,*}, Alexey A. Tishkin^{a,##}, Sergey S. Matrenin^{a,###}, and Tatiana S. Parshikova^{a,####}

^aAltai State University, Barnaul, Russia

^{*}E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

^{##}E-mail: tishkin210@mail.ru

^{###}E-mail: matrenins@mail.ru

^{####}E-mail: taty-parshikova@yandex.ru

The article presents the results of studying materials obtained during excavations of a female burial found in the Choburak-I necropolis of the Bulan-Koby archaeological culture. This site located in Chermal district of the Altai Republic was fully studied by the expedition of Altai State University. An analysis of the morphological characteristics of the found accompanying grave goods was conducted employing analogies from sites in adjacent territories. Together with the results of radiocarbon dating it became the basis for determining the time of construction of mound 34 within the 4th century AD. The study of the recorded features of ritual practice made it possible to establish that the burial was made by the bearers of the Dalian burial tradition, which constituted the dominant group of the population of the Northern Altai in the pre-Turkic period. Numerous goods, which included socially significant adornments in the attire of the buried, as well as items of horse gear, testify to a high status of the deceased woman in her lifetime, probably a representative of the local nomadic elite.

Keywords: Altai, the Migration period, female burial, social history, regional elite, chronology.

REFERENCES

- Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A., 2003. Vostochnyy Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka) [Eastern Altai in the Migration period (3rd–7th centuries AD)]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. 224 p.
- Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S., 2004. Reconstruction of women's headwear from the Ust-Edigan burial ground in Gorny Altai. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 1 (17), pp. 65–72. (In Russ.)
- Borodovskiy A.P., 1994. Study of a burial-commemorative complex of the old Turkic period in the Middle Katun region. *Arkheologiya Gornogo Altaya* [Archaeology of Gorny Altai]. Yu. F. Kiryushin, ed. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gos. univ., pp. 75–82. (In Russ.)
- Gavrilova A.A., 1965. Mogil'nik Kudyrga kak istochnik po istorii altayskikh plemen [The burial ground of Kudyrga as a source on the history of the Altai tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka. 146 p.
- Globa G.D., 1983. Excavations of the burial mound of Bely Bom-II. *Arkheologicheskie issledovaniya v Gornom Altaye v 1980–1982 godakh* [Archaeological research in Gorny Altai in 1980–1982]. A.S. Surazakov, ed. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy NIIYaL, pp. 116–126. (In Russ.)
- Gotlib A.I., 2007. Multi-tier burials of the Tashtyk burial ground of Chernoozernoye-II in Khakassia. *Tashtyckie pamyatniki Khakassko-Minusinskogo kraya* [Tashtyk sites of Khakass-Minusinsk region]. Novosibirsk: Novosibirskiy gos. univ., pp. 8–38. (In Russ.)
- Grach A.D., 1960. Archaeological research in Kara-Khol and Mongun-Taiga (1958 field season). *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Tuva joint archaeological and ethnographic expedition], 1. Materialy po arkheologii i etnografii Zapadnoy Tuvy [Materials on archaeology and ethnography of Western Tuva]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 73–150. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S., 2014. Women's adornments of the Xiongnu-Xianbei population in the Edigan river valley in Gorny Altai (based on the excavations of the Ulug-Choltukh burial ground). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 1 (57), pp. 107–114. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S., Yuy Su-Khua, 2006. Xianbei adourments. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History and Philology], vol. 5, iss. 3, pp. 50–64. (In Russ.)
- Kubarev V.D., Kireev S.M., Cheremisin D.V., 1990. Mounds of the Bike locality. *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni* [Archaeological research on the Katun]. Novosibirsk: Nauka, pp. 43–95. (In Russ.)
- Mamadakov Yu. T., 1990. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Culture of the Central Altai population in the first half of the 1st millennium AD: a thesis for a Doctoral degree in History]. Novosibirsk. 317 p.
- Matrenin S.S., 2005. On the identifying of types of burials (based on the materials of the Gorny Altai sites of the 2nd century BC – 5th century AD). *Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir' v drevnosti* [Western and South Siberia in ancient period]. A.A. Tishkin, ed. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo univ., pp. 93–98. (In Russ.)
- Matrenin S.S., 2017. Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.) [Equipment of the Altai nomads (2nd century BC – 5th century AD)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN. 142 p.
- Samashev Z.S., Kariev E.S., 2020. On new Xiongnu-Xianbei burials of Berel. *Mir Bol'shogo Altaya* [World of Greater Altai], 6 (2), pp. 915–930. (In Russ.)
- Semibratov V.P., Matrenin S.S., 2008. Study of the burial and commemorative Turkic sites in the construction area of the Altai hydroelectric power plant in 2007. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 4. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo univ., pp. 54–66. (In Russ.)
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2016. Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e. [The funeral rite of the Altai nomads in the 2nd century BC – 11th century AD]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gos. univ. 272 p.
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2020a. Mongolia in the Ruran period: Key aspects in the interpretation of archaeological materials. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River region archaeology], 4 (34), pp. 36–49. (In Russ.)
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2020b. Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arkheologicheskikh kompleksov [Social history of the Altai population in the period of nomadic empires (2nd century BC – 14th century AD): Based on materials from archaeological complexes]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gos. univ. 268 p.
- Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S., 2019. A Ruran burial from the Northern Altai (based on materials from the Choburak-I burial ground). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 4 (28), pp. 51–68. (In Russ.)
- Seregin N.N., Vasyutin S.A., 2021. Rannetyurkskie arkheologicheskie komplekсы Tsentral'nogo i Vostochnogo Altaya (po materialam issledovaniy A.S. Vasyutina) [Early Turkic archaeological complexes of the Central and Eastern Altai (based on research by A.S. Vasyutin)]. V.V. Bobrov, A.A. Tishkin, eds. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gos. univ. 296 p.
- Soenov V.I., 2000. Results of the 1999 excavations at the Verkh-Uymon burial ground. *Drevnosti Altaya* [Altai antiquities], 5. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gos. univ., pp. 48–62. (In Russ.)
- Soenov V.I., Ebel' A.V., 1992. Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni [Mounds of the Hunnic-Sarmatian period in the Upper Katun region]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gos. ped. institut. 116 p.
- Teterin Yu. V., 1991. The Dialian burial ground – a new pre-Turkic site in Gorny Altai. *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Yuzhnoy Sibiri* [Problems of chronology and periodization of archaeological sites in South Siberia]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gos. univ., pp. 155–157. (In Russ.)

- Tishkin A.A., Dashkovskiy P.K.*, 2003. Sotsial'naya struktura i sistema mirovozzreniy naseleniya Altaya skifskoy epokhi [Social structure and worldview of the Altai population in the Scythian period]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo univ. 430 p.
- Trifanova S.V., Soenov V.I.*, 2019. Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni [Decorations of the Altai population of the Hunnic-Sarmatian period]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gos. univ. 160 p.
- Vadetskaya E.B.*, 1999. Tashtytskaya epokha v drevney istorii Sibiri [The Tashtyk period in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 440 p.
- Yaremchuk O.A.*, 2005. Mogil'nik Zorgol-I – pamyatnik khunno-syan'biyskoy epokhi stepnoy Daurii: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The Zorgol-I burial ground – a Xiongnu-Xianbei site of the steppe Dauria: a thesis for a Doctoral degree in History]. Chita. 296 p.